

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

МЕТАИСТОРИЯ КАК МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Кравчук

Институт математики НАНУ (Киев)

В части I изложены главные моменты нового метаисторического подхода, основанного на понятии (локальной) цивилизации, которая к тому же оснащена набором n -Суперсистем разных уровней n (и такой комплекс назван «О-цивилизацией»). Эта конструкция позволяет включить в себя основные достижения таких известных метаисторических подходов, как формационный, цивилизационный и «этнологический», в качестве частных случаев. Каждая «О-цивилизация» имеет собственную историю, свое «историческое время», а потому и свои периоды древней, средней и новой истории, что предсказывал еще Н. Я. Данилевский. А мировая история описывается не просто «суммой» этих историй, но требует существенного учета и взаимодействий (столкновений) между ними.

В части II показана применимость этого метода к анализу древней истории Руси, увидеть ее как «цивилизацию россов», что позволило по-новому взглянуть на известные исторические проблемы. Кроме того, дана новая периодизация древней истории – соответственно изменениям социально-экономических укладов и связанных с ними типов собственности и форм политического устройства.

Ключевые слова и фразы: метаистория, исторический процесс, культурно-исторический тип (КИТ), цивилизация, n -ЦЭСЭС-система (или n -Суперсистема уровня n), предыстория, длинный VI век, славянский КИТ, азиатский (соотв. античный) способ производства.

I. Очерк метода

Одна из задач науки – это получение наибольшей информации из наименьшего количества фактов, дабы сделать возможным выделение точных закономерностей, позволяющих с единой точки зрения понять самые разные явления,

а в дальнейшем научиться ориентироваться в них. Эти закономерности невидимы, но и не придуманы: они открыты путем обобщения.

Л.Н. Гумилев

Лев Николаевич, известный русский мыслитель («историк, географ и этнолог», как его иногда определяют), этими словами очень точно определил не только задачи современной науки, но одновременно и ее метод. Однако нам не следует забывать и того, что потребность человека в познании окружающего мира проявилась достаточно рано – в младенческом возрасте человечества, ибо диктовалось это уже простым *стремлением его к выживанию* в сложном мире (и в том же теперь нуждаемся и мы). И естественно, что с появлением «*людских союзов*» (В. О. Ключевский [1]) таких, как союзы племен, этносы, а затем и государства, вызревало и желание понять их происхождение. А реализовалось оно сначала в мифологических преданиях, но затем, со времен Геродота (V век до н. э), появилась и история как отдельная наука – сперва чисто описательная, занимающаяся накоплением разнообразных фактов и сведений. И только в Новое время начали разбираться в накопленном материале, систематизации его; затем появились попытки определить, что же такое «людские союзы», и как понять общие закономерности развития таковых, что со временем привело к появлению и Метаистории (приставка «мета» на греческом языке означает «после, за», но в данной ситуации можно понимать ее и как «взгляд сверху» на историю – сперва как на «кучу» исторического материала).

Сразу следует отметить: недавно один товарищ сообщил мне, что некоторые под метаисторией понимают некое мистическое учение (подробности которого мне неизвестны), и в этой связи необходимо подчеркнуть, что первоначально мною был использован термин *Метаистория* просто по аналогии с термином *Метаматематика*, который авторы его (польские ученые Е. Расева и Р. Сикорский) вводили так: «*Метаматематика – это наука, изучающая формализованные математические теории*» (в книге [2]). Стоит отметить, что в последующем и саму метаматематику (уже с маленькой буквы!) стали рассматривать как некий раздел математики.

Таким вот образом я и пришел к следующему определению: «*Метаистория – это наука, изучающая точно сформулированные теории исторического развития*» ([3]), или «*исторического процесса*» (в смысле Ключевского [1] – см. ниже), так что никакого мистического смысла в нем не было и нет. А теперь поясню, какие теории имелись в виду: во-первых, это теория «формаций», сформулированная в середине XIX века К. Марксом. Действительно, она была первым метаисторическим подходом, сформулированным точно, и базировалась на предположении, что базисным объектом является все человечество, рассматриваемое как единое целое; неявно же предполагалось, что «возглавляет» его Европа.

А (глобальный) исторический процесс классики делили на *три* большие *стадии*: доклассовое общество, затем классовое и, наконец, снова бесклассовое – коммунизм; кроме того, между каждой парой имеются *переходные периоды*, притом достаточно длительные. Но затем и *вторая стадия* делится опять-таки на *три этапа*, или *уровня*: первый – *рабовладельческий*, за ним следует *феодалный*, и наконец, третий – *капиталистический*; с этими уровнями и ассоциируются, по Марксу, соответствующие «*формации*», между которыми тоже имеются *переходные периоды*, но уже более короткие.

И представляли они исторический процесс как вполне упорядоченную последовательность основных объектов (то есть «*формаций*»), сменяющих друг друга «по порядку», определяющих степень развития, что и является выражением «линейного прогресса». Но тогда как деление исторического процесса на стадии не вызывает вопросов, относительно этапов таковые возникают, и мы должны с ними разобраться. Кроме того, достаточно очевидным недостатком марксистского подхода было объяснение прогресса исключительно *саморазвитием* базисного объекта, в данном случае всего человечества как единственного объекта истории, используя гегелевскую теорию развития. Но последующее развитие естественных наук, и в первую очередь – физики, показало, что всякая эволюция является результатом *взаимодействий* между разными объектами. А поскольку в обсуждаемом подходе базисный объект единствен, то и взаимодействовать ему не с чем.

С другой же стороны, давно была известна реальная *неоднородность* человечества, но вот четкое представление, что состоит оно из *кластеров* с определенной структурой, называемых *КИТами* (то есть *культурно-историческими типами*), соответствующими «*великим племенам*», либо же «*локальными цивилизациями*» (о различиях см. в [10]), впервые было сформулировано в последней трети XIX века русским ученым Н. Я. Данилевским (в [4]), причем он прямо перечислил все таковые! И хотя нигде в своей книге он не упоминает Маркса, подход последнего к истории он определенно знал, как можно увидеть, к примеру, из следующего высказывания Данилевского: «*Вообще деление по степеням развития не исчерпывает всего богатого содержания истории!*» По мнению Николая Яковлевича, для этого нужно учитывать существование вышеупомянутых объектов, где каждый имеет *свою историю* [4], но все они связаны друг с другом, хотя и достаточно слабо, по его представлению.

После Данилевского подходы этого типа развивали и другие мыслители, и одним из наиболее известных был подход О. Шпенглера, изложенный им в книге «*Закат Европы*» [5] (появившейся полвека спустя после [4]), упомянем также А. Вебера [6], и британца Дж. Тойнби [7]; сюда же следует отнести и подход П. Сорокина (детальнее обо всех упомянутых подходах, как и о других, см. в книгах [3; 10]). Такие «цивилизационные» подходы принято называть *циклическими*, как продолжающими, по сути своей, известное изречение Экклезиаста.

Но Данилевский-то, по сути, вышел за рамки таких представлений, когда утверждал, что имеет смысл «деление истории на древнюю, среднюю и новую» (таким образом, и тут видим марксовы три этапа) – но *только внутри* отдельной цивилизации! Так что тут все ж имеется прогресс, хотя и локальный... Кроме того, он же чувствовал и существенную *роль взаимодействий* отдельных объектов с так называемыми «Бичами божьими» (то есть для частных случаев), о чем еще будет речь, хотя у него не было представления о глобальной эволюции, то есть не было ответа на вопрос: как же эволюционирует человечество в целом?

Потому не случайно даже в начале XX века профессор В.О. Ключевский начинал свой «Курс русской истории», читаемый в Московском университете, следующим определением задач исторической науки: «*Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит исторический процесс, то есть ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах... Человеческое общежитие выражается в разнообразных людских союзах, которые могут быть названы **историческими телами** и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, – словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем **историческим процессом***» [1] (выделено нами. – Н.К.).

Из этого видно, что мысль знаменитого историка относится, по сути, уже к Метаистории, а также ясно показывает, что к началу XX века проблема выяснения *структуры истории* стояла-таки на повестке дня. А поскольку мысль эта высказана была тогда, когда уже были известны подходы и Маркса (впрочем, *формации* не могут рассматриваться в качестве «людских союзов»...), и Данилевского, который в качестве *исторических тел* предлагал КИТы, то, видимо, Василий Осипович усматривал ограниченность обоих подходов, почему и посчитал задачу выделения *исторических тел* открытой.

Любопытно отметить, что примерно в то же время русский философ С. Булгаков конкретизировал потребные «людские союзы» очень просто: «*между индивидом и человечеством стоит только нация, и мы участвуем в общекультурной работе человечества как члены нации*». Но позже другой мыслитель – П. Сорокин – ответил ему так: «*Национальности, как единого социального элемента, нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела*!» И предложил рассматривать в качестве исторических тел «*культурные Суперсистемы, которые функционируют как реальное единство*», охарактеризовав их в ряде постулатов, давая, таким образом, еще один вариант подхода второго типа...

Как уже отмечалось, в XX веке появились и другие подходы, в которых вводятся различные базисные объекты, равно как и разные представления об их эволюции, а кроме того, имеются и различные модификации тако-

вых (о чем см. [3; 10]). Но все же ни в одном из них не проявилось достаточно заметно того, что Ключевский понимал под *историческим процессом*. Правда, надо признать, что и его собственные воззрения не отличались особой конкретностью, ибо не включали представлений о *динамической картине* истории, содержащих что-либо новое, так что задача Ключевского о выделении *исторических тел*, как существенных объектов истории, оставалась нерешенной.

Следует особо отметить и последний из самобытных подходов, в общем-то, того же типа (хотя и несколько выходящий за его рамки) – «этнологический» (или «этногенетический»), который в последней трети XX века ввел советский историк Л. Н. Гумилев [8; 9].

Но ко второй половине XX века отчетливо проявились проблемы, на которые ни один из вышеупомянутых подходов не давал ответа; среди критиков отметим К. Ясперса (см. его книгу [11]), а в середине 90-х годов XX века особенно четко высказался академик Н. Н. Моисеев. С одной стороны, он отметил: «*Общей картины развития цивилизаций, как и истинных пружин, выделяющих те или иные их свойства, до сих пор нет! Этот процесс сложен, ибо является становым хребтом общего процесса самоорганизации общества, как слагаемого биосферы*» [12. С. 13], а с другой же, «не пожаловал» и формационный подход. Точнее, он заявил: «*Цивилизационный подход к истории иногда рассматривается в качестве противопоставления формационному. Но четкого и общепринятого определения формации, а тем более – цивилизации – как мне представляется, не существует*» [Там же. С. 12].

Под влиянием этих замечаний я и стал более внимательно перечитывать труды Маркса, как и других авторов, и скоро стал ощущать неполноту вышеупомянутых подходов – сперва в том плане, что нет у них учета *роли взаимодействий* в процессе эволюции, необходимость чего представляется вполне естественной для физика. Потому и выход показался мне достаточно простым – нужно перенести рассуждения Маркса на локальные цивилизации, однако с существенным дополнением, а именно: с учетом *взаимодействий между ними*, которые и определяют в основном эволюцию – как внутри их, так и глобальную таковую!

После того как я проделал соответствующую работу и опубликовал некоторые статьи по ней, случайно встречаюсь в Москве (на семинаре в ФИАНе) с проф. Г.Г. Пироговым, который, как выяснилось в разговоре, продолжил в определенном направлении рассуждения академика Н. Моисеева (и опубликовал свои соображения в [13]). Для меня весьма существенными показались следующие утверждения Пирогова: «*Долгое время цивилизационный подход отвергался сторонниками подхода формационного. Однако в этом подходе просматривается ряд новых возможностей объяснения мирового развития. Более того, можно предположить, что он при определенных допущениях не противоречит формационному подходу, а на-*

против, существенно его дополняет» [13. С. 90], и это оказалось совершенно верным!

А далее он уточняет: «Похоже, однако, что между социально-экономическим строем (формацией) и культурно-историческим типом есть определенная, может быть, недостаточно еще изученная, но чрезвычайно сильная связь» [Там же. С. 117]. Затем же Пирогов, анализируя подход Данилевского и сравнивая его с другими, заявляет: «Чтобы суметь оценить и осознать важность сегодняшних событий, недостаточно ни формационного, ни цивилизационного подходов в отдельности. Нужен их синтез» [Там же. С. 123].

Таким образом, он тоже приблизился к тому порогу, что и я в начале своей работы, и поставил соответствующую задачу, а потому мои результаты воспринял с большим энтузиазмом и, более того, предложил испытать возможности моего метода на конкретных примерах. Признаюсь, что до того метаистория виделась мне лишь как *теория крупномасштабной структуры истории*, но проф. Пирогов предложил исследовать китайскую либо японскую цивилизацию (он сам изучал обе), причем подарил и свои книги о них. В конце концов выбор пал на то, что мне было лучше знакомо, – нашу (русскую) цивилизацию: такова предыстория моих работ [3; 10], в частности.

Важно, что все упомянутые выше подходы не давали *естественного* описания процессов рождения, роста и смены соответствующих базисных объектов, поскольку последние *не были органическими телами* в смысле Гегеля (о которых речь будет ниже). Не описывали они и взаимодействий различных объектов друг с другом, как и результатов таких взаимодействий, при которых-то и появляются *новые исторические тела*!

Поэтому стояла задача: в качестве *исторического тела* Ключевского выделить именно такой объект мировой истории, из которого можно было бы получить и остальные, упомянутые выше как частные случаи (в действительности же они оказались некими *гранями* такого объекта!). А касательно *мировой истории*, то было очевидно, что исходить следует *ab ovo*, то есть из начала начал, когда не было никакого единого человечества. А были лишь разрозненные (хотя и целостные в себе) органические образования в виде первобытных общин, которые только в этом качестве и могли противостоять воздействиям внешнего окружения, в том числе и другим подобным образованиям.

В дальнейшем общины эти «разрастались» в племена (весьма упрощенно выражаясь!), затем родственные таковые соединялись в союзы и этносы. И оказывается, что лишь на таком фундаменте, на *этнографическом этапе* (по Данилевскому – определение см. ниже) появляются КИТы, включающие в себя уже целый ряд этносов, характеризующихся общностью происхождения, близостью языка, схожестью обычаев и верований [3; 10].

Но КИТ-то еще не Суперэтнос, в общем, и тем более – не цивилизация, и следует говорить точнее: он тоже формируется именно в *период перехода*

от общинно-родового уклада к родоплеменному, параллельно с образованием союзов племен, и вот в этом плане представляет собой глубинный, *архетипический* феномен (см. детали в [10]).

Для нас же таковым явилось *славянство*, которое и стало нашим «родительским» КИТом, хотя в течение примерно полутысячи лет оно расплодилось на *три ветви* – западное, южное и восточное славянство (подробнее об этом см. во второй части работы, а также в [10]). Затем в каждой из этих ветвей (в некоторых ситуациях и независимо от других) появлялись свои Суперэтносы, когда малые союзы племен переходили в большие, то есть в *союзы союзов*. Причем эти последние могли становиться Суперэтносами *только* в тех случаях, когда в группе родственных племен появляется племя, «непохожее» на них (Гумилев), то есть этнически отличное, которое затем так или иначе подчиняет себе остальные. Вот при этом-то и появлялась уже та *социальная дифференциация*, которая приводила затем (хотя, конечно, не всегда!) к образованию *предгосударств*, вплоть до кочевых «империй» и разного рода каганатов – примеры этих процессов рассмотрим в следующей части (подробнее см. в [10]).

Таким образом, концепция Суперэтноса, как вообще «этногенетический» подход Гумилева, работает *в полную силу* именно в *переходном периоде*. В то же время Суперэтнос далеко не всегда является *органической* системой, имеющей историческое «продолжение».

Затем, *в конце того же переходного периода*, рождаются и *цивилизации* – объекты, нередко базирующиеся на Суперэтносах, но являющиеся уже *органическими* системами, привязанными к определенной территории. Так что цивилизация, в отличие от предыдущих концепций, оказывается *социальным организмом*, то есть она рождается, растет, проходя через последовательность этапов, переживает болезни роста и т. п., а нередко и умирает!

Тут подходим к введению (хотя и очень кратко!) основных объектов – в сугубо авторской формулировке метаисторического подхода, главным отличием которой от предыдущих (носящих «*естественноисторический*» характер, начиная от Марксова такового), есть ее *естественнонаучный* характер – в том смысле, что она существенно базируется на приемах и методах естественных наук. И в первую очередь – из физики, так что не зря коллегифизики в объявлении о моем докладе в МГУ на обсуждаемую тут тему дали ему название: «*Метаистория как история глазами физика*»! И действительно, Метаистория в предложенной трактовке является *естественнонаучной дисциплиной*, в отличие от просто истории.

Замечание 1. Основным приемом, предложенным автором, есть следующий: с упомянутыми выше *этапами развития цивилизации* ассоциируются *n-ЦЭСЭС-системы* (это сокращение от словосочетания *цивилизационно-этнические социоэкономические Суперсистемы n-го уровня*, где число *n* изменяется в интервале (0, 5)), короче – *n-Суперсистемы* – как вырастающие на базе цивилизации. Иначе можно мыслить эти суперсистемы как *представления* цивилизации (по аналогии с представлениями физических

систем, зависящих от состояний этих систем, см. [14]). Кстати сказать, тут получаются и прямые *обобщения концепции формаций* – как *социально-экономических граней* цивилизации на разных этапах ее развития, так что *формации* мы понимаем не как застывшие, четко разграниченные объекты, но как *пучок укладов* определенного типа – рабовладельческого, феодального и т. д., группирующихся по признаку преобладающего типа *отношений собственности* в них.

При этом сразу уточним, что укладам у нас соответствуют *n-Суперсистемы* с дробными в общем-то значениями показателей *n*. И если таковые группируются около целых значений этого показателя (то есть в окрестностях $n = 1, 2, 3, 4$), тогда получаются формации соответственно – рабовладельческие, феодальные и т.д. Причем оказывается, что в различных цивилизациях число укладов в таких группах тоже может быть разным, а некоторые из формаций могут «выпадать» из ряда (см. [3; 10]).

Далее, что касается концепции *Суперэтнуса* Л. Гумилева, то такие объекты могут проявляться в *n-Суперсистемах*, только когда *n* лежит в интервале $1/2 \leq n < 2$, по крайней мере (более подробно см. [10]).

А здесь лишь суммируем: **основной объект** нашего подхода есть цивилизация, оснащенная набором *n-Суперсистем* (которые следует мыслить как своего рода *представления* цивилизации – в смысле [14]), и весь этот комплекс будем называть *обобщенной цивилизацией*, а здесь – просто *цивилизацией*.

И это уже не совсем «*вещь в себе*» (как представлял Б. Межуев, см. ниже), поскольку тут наличествует и большее – с каждой такой цивилизацией ассоциируется свое «*социальное*» или *историческое время*, включая и *начало отсчета*, и *темпы* хода его. Впрочем, уже Данилевский отмечал (в [4]), что «*деление истории на древнюю, среднюю и новую*» имеет смысл *только внутри* отдельной цивилизации, и эти наблюдения оказываются очень важными при исследовании хода истории, а особенно – при взаимодействиях между цивилизациями (см. ниже).

В книге [10] достаточно подробно изложен путь, приводящий к выделенному выше объекту посредством обобщения предложенных ранее концепций и соответствующих подходов – этому посвящена целая глава 1 в ней, притом написана она на языке, более понятном историкам и философам. Однако автор-то на самом деле пришел ко всему этому, пользуясь *физическими аналогиями* (и не только ими), о чем в [10] не упомянуто. Как оказалось, эти аналогии не исчерпали себя и ныне, когда мы пытаемся расширить данный метод на иные ситуации, почему и считаем нужным сделать несколько замечаний в этой связи.

Для начала отметим, что для трактовки выделенных выше объектов можно было бы использовать и методы *общей теории систем* (как это предлагал Н. Моисеев). В ней исследуются большие и сложные *иерархические системы*, образованные из подсистем – компонентов, а те, в свою очередь, состоят из элементов (ради простоты, ибо эти последние тоже могут иметь

структуру, и т. д.). Но поскольку теория систем в действительности унаследовала от философии не только язык, но и проблемы, например проблему *отношения части и целого* (восходящую еще к Платону), то и в ней заметное место играет поиск *критериев целостности* иерархических систем.

Не останавливаясь здесь на больших деталях, отметим: выделенный нами объект отвечает такому критерию, равно как и упоминавшемуся выше свойству быть *органическим телом*, то есть таким, в котором, по Г. Гегелю, «...различные части и члены сохраняются только в их соединении, и, отделенные друг от друга, они перестают существовать, как таковые» [26. Т. I. С. 217].

Замечание 2. Но физик-то – по крайней мере, теоретик – сразу заметит, что подобные вещи сплошь и рядом встречаются в *квантовой теории*, где рассматриваются процессы образования больших систем из исходных подсистем – при взаимодействиях определенного типа между ними, имеющих *принципиальное* значение в квантовой теории. И в результате получается *суперсистема*, включающая в себя исходные, так что они становятся не только взаимосвязанными, но и *взаимозависимыми* [14], что как раз и соответствует упомянутому свойству *целостности* ее.

Причем полученная после такого «запутывания» (как называют это явление) суперсистема определяет свойства всех своих подсистем, в том числе и исходных, и, более того, в ней содержится больше информации, нежели простая сумма информации об исходных подсистемах. При этом происходит и «перемешивание» элементов суперсистемы, так что в ней затем можно выделять и *новые подсистемы*, к примеру, посредством проектирования.

А если вспомнить, что цивилизации как раз и являются большими *иерархическими* системами, родившимися при специфических взаимодействиях этносов и племен, то «запутанность» и «перемешивание» объясняют и «переформатирование» их впоследствии на другие подсистемы (хотя и состоящие из тех же индивидов). А последние могут иметь уже довольно-таки отличные свойства; примеры этого даются в [10] (глава II). Однако и всякая такая новая подсистема наиболее точно описывается не сама по себе, но лишь с уровня большой суперсистемы!

И тут хочется отметить, что философское чутье не подвело Б. Межуева – он совершенно прав в том, что цивилизация, как «более фундаментальный объект... в своих глубинных основаниях выходит за пределы теоретического рассмотрения» сугубо историческими методами, что он, видимо, и имел в виду. А вот предлагаемая здесь *профизическая* формулировка, являясь более общей, дает обоснование существования требуемого «более фундаментального объекта», да и влечет за собой другие далеко идущие последствия.

Не останавливаясь на них подробно, а только обозначая их, снова «отклонимся в сторону», но окажется, что не столь уж и далеко. Известно, что еще в XIX веке началось интенсивное обсуждение психологами, прежде все-

го, проблемы *человеческого сознания*, и выяснилось, что следует различать *несколько уровней* его. Кроме обычного, или *«поверхностного»*, сознания имеется и более глубоко *«запрятанное»*, но все же проявляющееся на опыте *«краевое сознание»*, или *подсознание*, о котором говорят ныне многие. Но есть и третий уровень, наиболее глубокий, открытый, по-видимому, австрийским психологом З. Фрейдом – уровень *«бессознательного»*. При этом наиболее плодотворными в исследовании *проблемы творчества* оказались два последних уровня, а именно – творческая работа человека происходит именно на них, и как бы без (прямого) участия самого человека!

Мне представляется, что наиболее впечатляющие примеры этого дают описания математического творчества, приведенные знаменитыми французскими математиками А. Пуанкаре и Ж. Адамаром (последний посвятил этому целую книгу [15]), и проходящего, как они предполагали, на третьем уровне сознания (то есть на уровне *«бессознательного»*). Я занимался этими вопросами именно в таком контексте, и еще в начале 1981 года пришел к выводу, что *процесс человеческого мышления*, а точнее – *процесс изобретения*, как описанный Адамаром в [15], получает естественное объяснение, *только* если предположить, что это *«бессознательное»* подчиняется законам квантовой теории – так в психологии появляется физика!

Эти результаты тогда же были доложены мною на нескольких научных семинарах, в том числе и на общеинститутском собрании в Институте теоретической физики АН УССР (Киев), затем опубликованы и две работы [16; 17] по этой теме. Причем обе шли к публикации с трудом и с большой задержкой – по причине *«идеалистического уклона»*, якобы наличного в них, хотя и были восприняты с интересом академиком АН СССР С. Севериным, однако мне представляется, что прошли они незамеченными в то время.

С другой стороны, немецкий же ученый К. Юнг в XX веке, развивая идеи Фрейда, утверждал наличие у целых народов и *«коллективного бессознательного»*! Именно оно и объясняет наличие *«специфических»* особенностей у различных народов, и думается, что подобными соображениями пользовался О. Шпенглер, когда говорил о *«прасимволе культуры»* (см. в [3]). Хотя, по нашему мнению, следует говорить о цивилизации и ее *«цивилизационном коде»* (или об *архетипе*) как позволяющем идентифицировать цивилизацию и при этом сохраняющемся при определенных условиях – и при ее дальнейшей эволюции.

Но ведь тогда естественно полагать, что и *«коллективное бессознательное»* подчиняется тем же *квантовым* закономерностям, и что именно на его уровне происходит коллективное *«запутывание»*, как и рождение *«цивилизационного кода»*! Впрочем, уже в [15] обсуждался вопрос о множественности подуровней, или *слоев «бессознательного»*, так что и *коллективное бессознательное* может различаться по их *«глубине»*.

К этому кроме прочего напрашивается еще одно.

Замечание 3. В книгах [3; 9] (глава I) мы останавливались, главным образом, на проблемах *подобия, сходства* структуры и эволюции *разных* ци-

визаций; однако это не означает, что между ними нет существенных различий – они есть, и немалые! Сам автор осознал это при изучении нашей цивилизации, как раз и имеющей черты, выделяющие ее из других, притом появляющиеся на ранних этапах эволюции и зависящие в основном от базисного КИТа. Это подсказывает нам, что имеется и более тонкая *классификация цивилизаций*; в частности, есть два типа, названные нами в [10] «*естественными аттракторами*» и «*странными*» таковыми, соответственно, различающимися как спецификой зарождения, в том числе и свойствами сердцевины, и по-разному ведущими себя с течением исторического процесса.

Так что кроме моментов сходства у объектов исторического процесса обнаруживаются также и различия между ними, связанные не только с обстоятельствами зарождения, но и с последующими взаимодействиями их с окружением. Но выяснение этих и подобных им деталей – дело других исследований, а сейчас коснемся *мировой истории*, как было обещано выше.

Хотя она (то есть история человечества) и является «коллективной биографией» локальных цивилизаций, но это не означает, что она есть *простой суммой историй* всех их (в совокупности как раз и составляющих человечество) – она должна включать также и историю всех их *взаимодействий* и взаимовлияний (так что С. Хантингтон оказался прав, говоря о «столкновениях»).

Более того, в нашем представлении именно таковые и *обеспечивают прогресс*, то есть поступательную составляющую мировой истории. На деле же оказалось, что *прогресс* (как качественные изменения) в истории проявляется только тогда, когда «сталкиваются» Суперсистемы *разных уровней*. Но при этом далеко *не всякие* столкновения ведут к прогрессу – чаще всего они приводили к нулевому результату (в смысле прогресса), но если таковой проявляется, то в результате появляется и новая Суперсистема, притом высшего уровня, нежели уровни сталкивающихся сторон (подробности см. в [10])!

II. Применения

Необходимо не переписывать, а переосмысливать историю России.

А.Н. Сахаров

Фактически правоту этого утверждения известного историка, члена-корреспондента РАН, как раз и демонстрирует предложенный нами подход, когда наша история рассматривается как эволюция вполне определенного социального организма – цивилизации, что и заявлено в первой части. А затем естественно возникает первый вопрос: о ее рождении и сопутствующих этому обстоятельствах. Но ведь наша цивилизация, как и всякая другая, возникла не на пустом месте, почему и требуется рассмотрение ее предыстории. Напомним, что понятие это появилось еще в трудах классиков и пони-

малось как все происходившее до «писаной истории», то есть до письменных свидетельств, хотя кое-что можно узнать из археологии (которой в их времена практически не было). Однако классики и не подозревали, что столь широкое и неопределенное понимание может стать источником произвольных трактовок истории, а часто и фальсификаций ее. В качестве примера упомянем о современных украинских «национал-историках», которые прослеживают истоки «украинской нации» чуть ли не во времена Адама.

Ограничить же подобный произвол помогает Н. Данилевский, который ввел понятие этнографического периода для «великих племен» следующим образом: «Древний, или этнографический, период, начинающийся с самого момента выделения культурно-исторического племени от сродственных с ним племен, – бывает чрезвычайно длинным. В этот-то длинный подготовительный период, измеряемый тысячелетиями, собирается запас сил для будущей сознательной деятельности, закладываются те особенности в складе ума, чувства и воли, которые составляют всю оригинальность племени, налагают на него печать особого типа общечеловеческого развития и дают ему способность к самобытной деятельности... Эти племенные особенности, какова бы ни была их первоначальная причина, выражаются в языке (вырабатывающемся в этот длинный период времени), в мифическом мировоззрении, в эпических преданиях, в основных формах быта, то есть в отношениях – как ко внешней природе, источнику материального существования, так и к себе подобным». После чего Николай Яковлевич показывает, что именно в этом периоде рождаются «самобытные культурно-исторические типы, соответствующие великим племенам», а для нас таким КИТом и явилось славянство, как мы знаем.

Замечание 4. Поэтому, дабы ограничить отмеченный выше произвол, мы предложили относить к нашей предыстории именно начальную, древнюю историю славянского КИТа, причем тут не понадобятся тысячелетия, о коих говорил Данилевский, а достаточно начать отсчет ее от начала новой эры, когда и появляются первые сведения о славянах. Но эти сведения столь скудны и неопределенны, что не дают возможности выявить, к примеру, обстоятельства появления трех различных ветвей славянства – западной, южной и восточной, которые уже явно проявили себя к концу первого тысячелетия н. э., когда заканчивается и наша предыстория. В современных учебниках же этот период обычно упоминается лишь мельком, походя, да и то приводятся в основном данные археологии, не касаясь его исторической структуры. Показательной для меня в этой связи явилась реакция проф. Ю.С. Владимирова: после моего доклада на его семинаре (на физфаке МГУ) он заметил, что для большинства «упомянутый период представлялся неким вакуумом, который нужно было заполнить, что и проделал докладчик»...

И действительно, история славянства казалась многим «слишком темной и покрытой мраком неизвестности», хотя место, в котором оно впервые проявилось как выделенный феномен, было определено А. А. Шахматовым достаточно точно еще в начале прошлого века. Это – южная часть Польши

вдоль Вислы и примыкающий к нему район Карпат – в нынешней Словакии. Правда, некоторые современные историки полагают, что к началу новой эры область обитания славян включала, кроме вышеупомянутой, еще и полосы от нее к западу – до Одера, и к востоку – в бассейн Припяти (согласно П. Толочко).

Сказанное выше уже позволяет сделать важный вывод: история так называемых «трипольцев», киммерийцев, скифов и других обитателей причерноморских степей отношения к истории нашей цивилизации практически не имеет – и в этом наше принципиальное отличие от позиции украинских «национал-историков», в частности. Но непосредственное отношение к ней имеет известное *Великое переселение народов*, начавшееся в первых веках новой эры и затронувшее нашу территорию, что позволяет выявить наша (естественнонаучная) методология, в чем убедимся ниже.

Впрочем, Великое переселение оказало огромное влияние и на *историю Европы в целом*, как известно, а особенно – ее центральной и юго-восточной частей, что тесно связано и с нашей историей, начиная с определенного времени. По этой причине нам пришлось остановиться в [10] и на цивилизационных аспектах этого региона, главным образом – касательно истории Византийской империи в период с VI по X век, поскольку это затрагивает начало и нашей истории. Рамки настоящей статьи не позволяют детально изложить результаты, полученные в [3; 10], поэтому ограничимся перечислением самых значительных, на наш взгляд.

Известно, что Великое переселение народов в первом тысячелетии н. э. происходило некими *волнами*, и первой из них оказалось переселение, начавшееся с первых веков н. э., союзов германских племен *готов, гепидов и вандалов*, которые с конца I века н. э. начали движение на юг с побережья Балтики, вдоль Вислы, причем последние – несколько западнее. Затем готы и гепиды перешли через Карпаты, то есть через территорию славян, как бы «раздвинув» их в обе стороны – на запад, и на восток, и продолжили движение вдоль Южного Буга и Днестра – к побережью Черного моря, где и обосновались к концу II – началу III века. Причины же этого переселения остаются неясными, тем более что продвижение готов было достаточно медленным, но в результате привело к тому, что разделение славян на *западных и восточных* стало приобретать постоянный характер. А затем наступившее с конца IV века похолодание, согласно академику Седову [18], к VII веку уже *закрепило это разделение*, ибо тогда уже наблюдается заселение славянскими племенами словен, полочан и кривичей, наших восточных и северо-восточных территорий, на которых мы их видим и позже.

А вот следующая *волна переселений* оказалась *самой крупной* в первом тысячелетии и проявила себя в полной мере в V веке, хотя начало ее следовало бы относить к 375 году, когда массы кочевников, возглавляемые *гуннами*, переправившись через Волгу и Дон, наголову разгромили войска готов, до тех пор считавшихся непобедимыми! После этого поражения готы устремились на запад – частью в Византийскую империю, а частью в Цен-

тральную Европу, образуя там разные «королевства». А гунны же сперва воевали с Византией, но та предпочитала откупаться от них, и к 420 г. предоставила им Паннонию – в качестве центра «Гуннской империи», откуда они и стали совершать походы уже на запад. Причем к середине V века, когда у них появился талантливый вождь Аттила, гунны дошли почти до Атлантического океана, что оказалось самым глубоким (за всю историю) проникновением Азии в Европу!

Однако к этому моменту почти все обитатели Западной Европы – от римлян до готов и других германских племен, осознав опасность, объединились для отпора гуннам, и в 453 г. в «битве народов» на Католаунских полях разгромили войска Аттилы и отбросили гуннов на восток. А после смерти Аттилы в 454 г. гунны были разбиты гепидами, затем в 463 г. – булгарами, а в 469 г. – византийскими легионами, а их место в Западном Причерноморье почти на сто лет заняли булгары.

Хотя о нашествии гуннов, как существенном элементе Великого переселения народов, за прошедшие полторы с лишним тысячи лет говорилось и писалось многими и многое, но вот о каком-либо влиянии гуннов на славян практически ничего не известно. Как неизвестными остаются и причины, побудившие гуннов к движению на запад; более того, тут наблюдается разнбой – одни историки полагают причиной наступление засухи в степях Азии, другие же, наоборот, – чрезмерное увлажнение их, последующее похолодание и т.д.

Но вот следующее нашествие кочевников – *авар* практически не привлекало внимания историков как в XIX веке, так и позже, хотя в действительности именно оно имело весьма важные последствия – настолько, что в последней книге мы отвели ему *центральное место в длинном VI веке*. Так мы предложили называть период от раскола Римской империи в 395 г. на две части – Западную и Восточную, затем – нашествие гуннов и последующее через 90 лет, в 476 г. *падение Западной Римской империи*. Включает он и V и VI века, а заканчивается лишь в начале VII века (конкретная дата не установлена) и выделяет *пик Великого переселения народов*. Об этом периоде еще будет речь, но сейчас вернемся к аварам.

Происхождение их достаточно смутно, хотя известно, что в начале VI века находились они в предгорьях Алтая, откуда и тронулись в путь на запад – ближе к середине того же века. И это передвижение аваров – **первое**, для которого мы можем точно указать и *причины*, и *обстоятельства* его появления, носящие объективный и весьма материальный характер. А именно они обусловлены рядом глобальных катаклизмов, которые пережила наша планета с 534 по 539 год; главными из них явились два извержения вулканов в экваториальной области плюс падение крупного метеорита у северного побережья Австралии, точнее – в заливе Карпентария. Их следы и последствия были выявлены геофизиками совсем недавно, и доказано, что именно эти события привели к резкому ухудшению климата, к похолоданию, что

было, в общем-то, известно византийским хронографам того времени, которые интерпретировали это, как «божий промысел» – в духе своего времени.

Дело в том, что этот период пришелся на правление Юстиниана (527–565) – выдающегося византийского императора, попытавшегося возродить большую Римскую империю, и начало было весьма многообещающим, но обстоятельства были против него. К тому же за упомянутыми катаклизмами последовала глобальная пандемия «черной смерти» – чумы, начавшейся во второй половине 530-х годов в Северо-Восточном Китае (которая, наверняка, была их последствием), быстро достигшей Европы. Да так, что уже в 541 году она началась в Византии, получив в истории название «чумы Юстиниана» (возможно, потому, что ею переболел и сам император). Эта пандемия погубила половину населения Европы, и в первую очередь – ее Средиземноморского побережья, включая Балканы.

Но все эти причины проявились и в Азии, побудив к движению на запад (прото)тюрков, обитавших тогда восточнее авар, которых они таким образом «подталкивали», и в результате во второй половине VI века видим в Восточной Европе Аварский каганат – с центром в той же Паннонии. А потом появились в Восточной Европе и тюрки – лишь пару десятилетиями позже авар, и заняли они степные территории к востоку от Дона, где образовали свой каганат – Западно-Тюркский, просуществовавший почти сто лет.

Все это с большими подробностями было описано автором в [10], где к тому же указаны и последствия этих событий, привязанных к данному нашествию, на историческое развитие как Византии, так и Европы, которые мы не можем приводить здесь – ведь нас интересует судьба славянства. Мы показали в [9], что именно вышеприведенные обстоятельства привели к появлению феномена **южных славян** на Балканах как раз в то время. Так, с середины VI века они впервые появились там – с аварами, а затем уже сами массами пошли на Балканы (напомним, что в прежних местах их обитания тогда наступило похолодание [18]). Да так, что «в 578 г. около 100 тысяч славян переправились через Дунай и наводнили Фракию и Элладу, а в 581 г. – Фракию, Македонию и Фессалию». А «к середине VII века славяне... заселили Фракию, Македонию, значительную часть Греции, заняли Далмацию, Истрию и проникли в Пеллопонес... Немало славян переселились и в Малую Азию» (цитаты из «Всемирной истории» [19. Т. III]).

Но ведь это означает, что славяне тоже были участниками Великого переселения народов и занимали они на Балканах пустующие (из-за чумы) земли – без какого-либо сопротивления! А сто лет спустя там появляются и первые славянские государства, начиная с Болгарии (подробности см. в [9; 19]).

В своей же новой книге мы установили *еще одну причину* успеха авар, хотя их нашествие было значительно менее массивным, нежели предыдущее гуннское – их войско насчитывало всего двадцать тысяч всадников, согласно данным византийского историографа Менандра. Их успех объясняется тем, что авары сумели воспользоваться «мини-революцией» в военном

деле, состоявшей в изобретении *металлических стремян*, прикрепленных к седлам, что значительно улучшило взаимодействие всадника с конем, резко повысив тем самым и его боевые возможности! Российский археолог Н.Н. Серегин установил недавно (в 2015 г.), что такие стремяна впервые появились на Алтае как раз к середине VI века, и пока это изобретение было только у авар, они превосходили в ударной мощи остальных кочевников, а тем более – европейскую конницу.

Кстати, когда мне стало известно мнение известного современного, нетривиально мыслящего историка А.Н. Сахарова (недавнего директора Института российской истории) о причинах Великого переселения народов: «Вполне вероятно, что среди этих причин были и космогонические, нетрадиционные и пока еще не объяснимые для историков но, видимо, имеющие право на жизнь, потому что порой перемещения огромных масс людей на гигантские расстояния не могут быть объяснены какими-либо «земными» причинами» [20, С. 86], я убедился, что мне все-таки удалось найти естественнонаучную методологию. Методологию, которая смогла выявить причины и обстоятельства исторических событий, притом более простые (в частности геофизические), нежели полагал Андрей Николаевич. Что касается больших деталей описанного выше, часть их можно найти в [9], а полное изложение содержится в выходящей вскоре книге...

Но, как только изобретение стремян стало доступным остальным, закончились и фантастические успехи авар, что способствовало в конечном счете (как это ни парадоксально звучит) завершению формирования еще и *восточного славянства!* – Ведь после того как авары стали терпеть неудачи в войнах как с Византией на юге, так и с германскими племенами на западе, все чаще их активность стала направляться на восток – на тех славян, которые тогда находились в Северном Придунавье.

Отметим сразу, что восточнее Днепра, на основной территории бывшего Западно-Тюркского каганата, после его распада образовались сперва два номадических объединения – Великая Булгария и Хазарский каганат, и оба они сыграли роль в последующей истории, хотя несколько позже остался там лишь один последний. Чтобы завершить тему переселений (а вместе с нею и очерк нашей отдаленной предыстории), приведем одно замечание.

Замечание 5. Стоит остановиться и на том, что общего было у народов, участвующих в великом переселении. Конечно, каждое из вышеупомянутых переселений имело свои конкретные причины и сопутствующие обстоятельства, причем достаточно точно мы выявили таковые только для случая авар. А объединяет их все следующее обстоятельство – все они находились в первом *переходном* периоде. Из чего сразу следует: нельзя соглашаться с теми историками прошлого, которые описывали социальные образования, ассоциированные с этими феноменами, как «империи», «королевства» и т.п., подразумевая тем самым, что они уже были государствами. Впервые на это обращали внимание классики марксизма, хотя, по сути, только в XX веке историки осознали в полной мере нетривиальность про-

блемы и стали использовать для таких образований названия «потестарное государство», «протогосударство» или «предгосударство».

Позже Л. Гумилев подметил существенную особенность таковых, используя для них термин Суперэтнос (см. о нем выше), хотя в действительности образования отличались друг от друга не только этническим наполнением, но и уровнем *социального развития*, что более существенно. Поэтому мы предложили использовать для их характеристики термин *n-Суперсистема*, где показатель уровня *n* является *дробным* числом из интервала (0, 1). Стоит отметить, что ни одно из рассмотренных выше образований не приближалось по уровню к 1 (кроме Хазарии на последнем этапе ее существования), а концентрировались они в окрестности значения $n = 1/2$. И только «империя Чингисхана» в XIII веке приблизилась к уровню 1 (хотя в дальнейшем уровень стал понижаться). И почти все такие *n-Суперсистемы* в истории играли роль «бичей божьих», «помогающих» своими разрушительными действиями цивилизациям первого уровня, как-то Римская и Византийская, перейти на следующий уровень. Но нередко они просто уничтожали таковые как цивилизации, оставляя после себя лишь «этнографический материал» [4].

Однако если подобные кочевые образования обладали достаточной «комплиментарностью» [8] к покоренным этносам (типа славянских) и сумели перейти к оседлому образу жизни, образовав руководящий слой в получившемся объединении, тогда могло получиться и государство – очевидный пример тут дает Болгария (подробности см. в [10]).

Перейдем теперь уже к непосредственно нашей истории как истории *восточного* славянства. Как отмечено выше, в результате возросшего давления авар (да и булгар из орды хана Аспаруха, которая в 670-х годах пришла в Придунавье) славянские племенные союзы полян, северян, радимичей и др. в конце VII–VIII веков (когда как раз и началось существенное *потепление* климата) двинулись на северо-восток и остановились в среднем Приднепровье, ну а северяне подальше – в Придесенье. За ними двинулись и тиверцы и уличи, но эти оседали ближе – в нижнем Приднестровье и Побужье, что стало возможным из-за падения к тому времени и Западно-Тюркского каганата; были и другие подвижки.

С этим согласен и академик Седов (см. [18]), да и «Повесть временных лет» (ПВЛ) подтверждает эту версию в следующей цитате: «Сели суть словене по Дунаеву, где есть ныне Угорска земля и Болгарска. И от тех словен разыдошася по земле и прозваша имена своими, где седше на котором месте». Правда, о жизни восточных славян на их, теперь постоянном, месте жительства, прямых свидетельств очень мало (хотя и имеются археологические данные). Но ясно – те из них, что ранее ушли оттуда, будучи затронуты предыдущими нашествиями, а затем вернулись в родные места, имели уже более развитую социальную структуру по сравнению с соседями, где сыграл свою роль опыт, приобретенный в походах.

Но у *всех* восточных славян были общими, или близкими: *язык, обычаи и верования*, хотя пантеон языческих богов имел племенные особенности. У них уже существовал институт *старейшин* (а в больших союзах племен – *совет старейшин*) или мудрейших, обладавших авторитетом и влиянием в племени, а кроме того, они же осуществляли и сакральные функции. Но *главную роль* в общественной жизни, как отмечалось многими наблюдателями, играло *вече* – общее собрание всех взрослых мужчин, притом вооруженных, которое и решало все жизненно важные вопросы, в первую очередь – вопросы войны и мира. И в случае необходимости вече назначало *военного вождя*, получавшего значительные полномочия, так что каждый член племени подчинялся ему в военном отношении, хотя в мирной обстановке все решало вече. Но собирал вече и готовил решения его не вождь, а совет старейшин, так что видим: тогда у славян и наличествовал известный строй *военной демократии* – аналогичный тому, который Тацит наблюдал у германских племен еще в начале новой эры.

А вот у тех из них, которые побывали в походах, подобная структура была более резко выраженной. Во-первых, они уже объединялись в большие *союзы племен*, и даже *союзы союзов* (см. перечисление выше), в которых вече тоже играло определяющую роль, но избранный военный вождь имел уже свою *дружину*, состоящую из наиболее опытных и преданных ему воинов. Позже он становится уже постоянным вождем, в IX веке называемым *племенным князем*, хотя параллельно, и рядом с ним, находились и *старейшины*. Теперь у славян появляются укрепленные поселения, особенно у границ со степью – так называемые «*грады*», которые и стали *центрами власти*, то есть местом пребывания как князя, так и «старцев градских» – то есть тех же старейшин, там же находились религиозные святыни, да и союзное вече собиралось именно там.

Кроме того, у этих племен имелись и *рабы* – из пленных, захваченных в походах – называемые *челядью*, причем они были *собственностью всего племени*, выделявшего их отдельным семьям, где они жили и работали наравне с членами семьи. Племя же могло отдать раба за *выкуп* его соплеменникам, но в остальном положение его в те времена было не слишком обременительным, и по прошествии определенного срока его могли принять в состав племени – при желании, а иначе отпускали – этот институт получил название *патриархального рабства*. При этом славяне не торговали рабами.

Особое положение занимали те женщины, которых приводили из походов – обычно они становились *наложницами*, поскольку у славян в то время процветало многоженство, но их дети были уже членами племени. Это последнее обстоятельство и объясняет тот *демографический взрыв*, который восточное славянство переживало в конце VII–VIII веках, который-то и привел к «*колонизации*» значительных территорий на востоке и северо-востоке, куда славяне переходили целыми родами, а то и племенами.

Замечание 6. Тут самое время отметить и географические особенности тех территорий Великой русской равнины, которые осваивали славяне в

процессе этой «первой колонизации» (первой – потому, что были и последующие). Тут стоит привести описание тех регионов ее, которое дал академик Б. Рыбаков для позднейшего времени: «...*важнейшие древнерусские княжества сформировались именно здесь, в плодородной, мягкой по климату, лесостепной зоне; Киевское, Черниговское, Переяславское, Волынское, Северское, Курское*». А затем он очерчивает границы этой зоны, характеризует также и более северную «*обширную зону лиственных лесов, ...которая в почвенном отношении менее благоприятна, чем лесостепная. Среди суглинистых и супесчаных почв лесной зоны выгодно выделялось Суздальское «ополье», черноземный остров в Северо-Восточной Руси*» [18].

Именно эти зоны и осваивались ранними колонистами – еще до появления государства, и именно на них родилась Древняя Русь, тем более что «*на X–XIII вв. – самые важные века древнерусской истории, пришелся так называемый (географами) «Малый Климатический оптимум» – период сравнительно теплой и ровной погоды, мягких зим и отсутствия сильных засух! И потому понятно, почему славяне могли успешно заниматься земледелием и скотоводством*» (см. [10]). И там же подробнее описан процесс этой «колонизации» и его особенности.

В частности, тут тоже не прослеживается столкновений с угрофинскими и балтскими племенами, жившими там и находящимися на более низком уровне развития – у них был разный образ жизни и производства. Тогда как славяне занимались земледелием и скотоводством, соседи – собирательством даров природы, охотой и рыболовством, таким образом они не мешали друг другу.

Причем земледелие у славян было уже *пашенным*, и вообще к тому времени сильно развилось, как и скотоводство; значительный подъем переживало и ремесло – видимо, из походов славяне принесли немало нового в этом плане, так что появился и некоторый *избыточный* продукт. При этом в славянских племенах производилось как оружие, так и орудия труда из железа, которое сами же они и добывали из руды. Впрочем, тогда войн между ними не наблюдалось, ибо не из-за чего было воевать, тем более что между племенами наличествовали определенные нейтральные (или буферные) зоны, носившие и сакральный характер, которые соблюдались всеми.

И все было хорошо где-то до второй половины VIII века, когда появилась внешняя угроза с юго-востока. Дело в том, что с того времени Причерноморье стал контролировать Хазарский каганат, бывший к тому времени могущественным образованием, который некоторые называют даже «*третьей мировой державой*» того времени (первой была Византийская империя, а второй – Арабский халифат, или наоборот). И важнейшую роль в Хазарском каганате играла *транзитная* торговля, то есть тогдашняя «мировая торговля», с которой у хазар позже начались проблемы – об этом много писал Гумилев [8]. Да и сам этот каганат на грани VIII–IX веков претерпел значительные изменения – после «гражданской войны» в нем, так что с этого момента правильнее называть его просто Хазарией (коротко обо всем

этом сказано в Приложении II.2 в [10]). И вот тогда ведущую роль в торговле Хазарии стала играть торговля «живым товаром» – людьми, источники которого хазары нашли в своих ближайших соседях, в первую очередь – в славянах. Вот это и стало тем «вызовом» восточным славянам – в смысле Дж. Тойнби [7], на который требовалось ответить, что они и сделали в конце концов, хотя и не сами.

Дело в том, что кроме хазар, несколько севернее от них, в среднем Подонье, давно обитали неславянские племена, хотя и имевшие алано-антские корни, которые некоторые историки XIX века называли «Черноморской русью». Позже их стали называть просто *русами* (в византийской транскрипции же – *росами* (или *россами*), как разъяснял академик Б. Рыбаков в [21]). Академик В. Седов же определял их как носителей «волынцевской» культуры, которую он нашел и исследовал в Подонье [18], причем они занимали промежуточное положение между славянами и хазарами – как в смысле территориальном, так и в образе жизни. Не занимались они ни земледелием, ни скотоводством, но были хорошими воинами и торговцами (что в те времена, по сути, было одно и то же, почему Гумилев и называл их «жуткими разбойниками»), передвигавшимися в основном по речным путям. До «гражданской войны» у русов были налажены отношения с хазарами, но после того как они в ней поддержали кабаров (кочевых хазар) – проигравшую в этой войне сторону, то победители – иудео-хазары, вскоре выдавили их из прежнего местообитания в Подонье, и основная часть русов ушла на запад.

Вот тут они и встретились с полянами, обитавшими в окрестностях Киева и, видимо, оценив геостратегическое положение его на Днепре, как пути «из варяг в греки», решили остаться здесь. Они построили выше Киева свою крепость Вышгород, опять-таки в стратегически важном месте, и нашли общий язык с полянами, поскольку у тех и других было немного, но русы пообещали им защиту не только от хазар, но и от других соседей, в частности – от древлян. Впрочем, они не собирались там просто сидеть, но стремились воевать, ибо в те времена, как точно выразился Е.Н. Черных, *«война была одним из мощных факторов социальной дифференциации обществ, относимых к типу военно-демократических... Победители чаще всего стремились обеспечить себе право на исполнение в среде побежденных организационных функций, контролировать процессы не только путем перераспределения прибавочного продукта, но и самого производства. Тем самым разрушается традиционная для родоплеменного общества структура управления по родственным каналам»* (цит. по [10]).

В результате войн с ближними соседями в первой трети IX века отмечается появление так называемого «Русьского каганата» – протогосударства, в котором инородцы-русы заняли руководящее место, как им и положено, но они унаследовали от хазар не только название «каганат» (принятое, очевидно, в пику им!), но и род занятий – работоторговлю (а не какой-то «контроль за производством»)! Русы были привычны к этому делу и раньше, знали рынки сбыта и т.п. и тоже стали брать рабов из соседних (в основном славянских)

племен, что засвидетельствовал не кто иной, как византийский император Константин Багрянородный (с помощью полян, естественно). А затем они продавали их в Византию, Волжскую Булгарию и т. п. места, причем крупными историками (А. Зиминым, А. Новосельцевым и И. Фрояновым) отмечается резкий *рост внешней торговли рабами* в то время. Фроянов отмечает, что с той поры «*работорговля превращается в заурядное дело*!» [22]. Однако уже в то время, в той ситуации, такая политика будущего явно не имела, и только появление *нового этнического фактора* в лице варягов позволило выйти из тупика. Именно *варяги* сыграли вскоре важнейшую роль в становлении нашей цивилизации, и напомним, откуда и как они появились.

Для этого обратим свой взор к северу где, как мы помним, уже давно обитали славянские племена словен, кривичей и полочан, которые не принимали участия в походах. Однако у них тоже появились проблемы, когда начались набеги *норманнов*, или викингов (которых можно назвать *речными кочевниками*) со Скандинавии, и после разного рода перипетий (о коих см. [10]) словене сами решили призвать к себе отряд варягов во главе с Рюриком – с целью получить перевес в борьбе с соседями. Но получилось несколько иначе: когда они все вместе победили, тут Рюрик объявляет князем себя родного и начинает править всеми племенами, поставив наместниками своих соратников! А один из них – Аскольд со своей дружиной, видимо, поссорившись с Рюриком, отправился вниз по Днепру и остановился в Киеве, найдя себе союзников в лице русов. Вот тут и появляется более полный аналог – по структуре власти в Киеве с Хазарией, а именно – «диархия», в которой русы представлены каганом Диром – сакральным лидером, а Аскольд же стал играть роль шада (или царя) – в силу военного лидерства в этом совместном «предприятии».

И действительно, после этого «каганат» сей проявил себя уже как серьезная сила, русы с варягами стали ходить в крупные походы – как на не очень близких соседей, например – на полочан, так и на сам Царьград, столицу Византии, и вот тут уже чувствуется норманнский размах! Хотя последний поход (в 866 г.) не слишком удался – скажем так, но о «Русском каганате» стало известно в Европе!

А на севере же в это время умирает Рюрик, оставив княжение Олегу, то ли свояку, то ли просто воеводе – как некоему регенту, оставив ему в опеку малолетнего сына Игоря, но выбор сей оказался на редкость удачным – именно Олег положил основание нашей цивилизации. Сперва же Олег занимался укреплением позиций в новгородской и окрестных землях, но уже в 882 году, «*поим воя многи, варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи*» (по ПВЛ) и пошел по Днепру вниз, то есть по известному тогда пути «из варяг в греки». Да и *первоначальной целью* похода, судя по всему, было *установление контроля над этим путем*. Однако по дороге он овладел Смоленском (центром союза кривичей), затем Любечем (где были северяне), и поставил там своих наместников, а затем подошел к Киеву, где известным образом (см. ПВЛ) расправился с Диром и Аскольдом. Таким вот образом и рухнула

властная структура «Русьского каганата» – точно так же, как 83 года спустя рухнул и весь Хазарский каганат от руки Святослава Игоревича – Олегова «внука»! Притом и тут и там аборигены не проявили ни малейшей поддержки своим правителям...

Вместо этого Олег провозгласил известный лозунг о Киеве: «*се буди мати градам руським!*», который на самом деле оказался *целой программой* построения цивилизации (географическим «хребтом» которой именно с того времени стал Днепр), осуществлять которую начал сам Олег. Так, ПВЛ отмечает, что сначала «*Олег нача города ставити и уставити дани словенам, кривичам и мери*», то есть в новгородской земле, а в 883 г. «*поча Олег воевати деревляны, и примучи а, имаше с них дань по чернее куне*». В следующем же году «*иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легку, и не дасть им козарам дани платити*», а в 885 г. то же повелел и *радимичам*, согласно ПВЛ. Таким образом и была установлена племенам *дань легка*, но в то же время предоставлена защита от хазар, да и рабов-то Олег не требовал!

Но требовал он воев для крупных походов, понимая их важность для дальнейшего (см. об этом выше), Так, например, в 907 г. Олег ходил на Византию, и поход сей увенчался фантастическим успехом – империя и дань крупную заплатила, и заключила договор, для Руси выгодный, да и признала ее существование как крупного княжества, что имело международный резонанс. Но главная роль этого и других походов оказалась в том, что они делали из простых соседей соратников, да и каждый воин тогда получил свою долю добычи, причем немалую, а все это в совокупности цементировало так сложившееся объединение – Русь, и с тех пор название это и закрепилось. И не зря Олег получил у современников звание *Вещий*, что означает *ведающий, мудрый*, а в глазах некоторых из историков XIX века, воспринимавших историю достаточно эмоционально, получил определение – *Великан русского исторического сумрака!* Но главное осознается только теперь – именно Олег заложил основание новой цивилизации, которую мы в [10] назвали «цивилизацией росссов», хотя еще не государства, как обычно говорится в учебниках.

Замечание 7. А теперь разьясим суть того, что было изложено выше: *это и есть наше решение давно стоящей «норманнской» проблемы в исторической науке*, согласно которой именно инородцы-варяги были основателями Русского государства и на которой «ломали копья» историки более двух с половиной веков!

На самом деле варяги действительно внесли важнейший вклад в это дело (что вполне понятно с точки зрения *общей теории*, изложенной в [10], в главе 1), но, во-первых, первыми процесс начали *русы*, а только потом были *варяги*, причем их было *две волны*, и только вторая – с Олегом – завершила дело!

Кстати сказать, это расшифровывает и уточняет следующее утверждение Н. Данилевского: «*Переход из этнографического состояния в государ-*

ственное... обуславливается толчком или рядом толчков внешних событий, возбуждающих и поддерживающих деятельность народа в известном направлении» [4]. Большие же подробности изложены нами в [10]. Впрочем, до «государственного состояния» было еще далеко, да следует осознать и то, что слияние варягов и русов в единую господствующую группу вовсе не было одномоментным актом. Приведенные же выше соображения о роли русов в начале нашей истории позволяют осознать и другие факты ее, которые имели много интерпретаций, но так и оставались непонятыми, к примеру – как объяснить появление княгини Ольги на великокняжеском столе?

Тут стоит обратить внимание на князя Игоря – «неудачника», севшего на престол после смерти Олега в Хазарии (913 г.), точнее, на его женитьбу на Ольге – дело заключается в ее происхождении, о коем ранее высказывалось множество разного рода догадок. Но если принять простейшее предположение, что была она из знатного рода в общине русов, базировавшихся в их *родовом* городе Вышгороде (да ведь немецкий епископ Адальберт и писал о ней как о *королеве русов*), то это объясняет многие до сих пор непонятные факты, упоминавшиеся в летописях, в том числе и в ПВЛ. Думается нам, что решение сосватать, а затем и женить Игоря на Ольге – представительнице рода убитого Дира – было принято Олегом, чтобы примирить общину русов с варягами Олега (ибо примириться с варягами Аскольда, наверняка, было проще).

Это же объясняет и ту (непонятную ранее) *выделенную роль* Вышгорода во времена правления Ольги, в частности – выделение ему трети дани от древлян, по ПВЛ. Как отвечает и на поставленный выше вопрос: почему Ольга оказалась в 945 г., после смерти Игоря, на великокняжеском столе – случай *уникальный* во всей нашей древней истории! В нашей же трактовке это естественно понимается как некий отголосок явления «диархии», указывающий на выделенную и в то время роль русов. Кстати, на правление Ольги пришлось и начало процесса *огосударствления* территории Руси, установление более четких обязательств выплаты дани Киеву «племенными князьями», что ставило их в определенные единые рамки и т.д.

Но процесс *объединения* правящего класса сильно продвинулся в правление великого князя Святослава Игоревича (в еще недостаточно слившемся обществе) – его происхождение и от варягов, и от русов обеспечивало поддержку обеих общин, особенно в войске, каркас которого они и составляли. Правда, далее успех Святославу обеспечивал собственный выдающийся полководческий талант стратегического масштаба, да и вообще, когда приглядываешься к нему поближе, испытываешь не просто уважение, но и восхищение, что проявилось в нашем изложении в книге [10] – там предлагается впредь именовать его **Великим**. Ведь именно Святослав указал естественные границы «цивилизации руссов» как на востоке, так и на юге и на юго-западе, которых она достигла только через шесть веков на востоке и юге, и через восемь – на юго-западе! Много у него и других заслуг, четко проявить которые помог наш метод – см. [10].

Тем более что при Святославе был достигнут **пик героической эпохи** нашей древней истории, начавшейся с Олега Вещего и закончившейся в правление сына Владимира I Святославича, который от матери-славянки унаследовал еще и славянскую кровь в жилах, так что *только начиная с Владимира* и можно говорить о слиянии разных этносов в верхушке «цивилизации россов». А также, только начиная с него, можно говорить о появлении государственности на Руси – ибо лишь он начал последовательное *огосударствление территории* ее.

При этом стоит подчеркнуть и то, что *героическая эпоха* опять же принадлежит к *переходному периоду*, поэтому говорить о государстве, как обычно (и с пафосом) провозглашают учебники истории, и тут преждевременно. Хотя бы по той причине, что не удовлетворяется один из главных критериев государственности – размещение населения по территориальному принципу, а наоборот – все еще сохраняется «племенной принцип»! Да и Русь пока что была хотя и великим, но все еще княжеством, лишь номинально соединяющим разные племена, управляемые своими племенными вождями, своими старейшинами и, конечно, своим вече. А в Киев они платили определенную дань, обозначая тем самым свою зависимость от него, да иногда выделяли воев для походов великого князя.

Но дальше, со времен великого князя Владимира Святославича, очень и очень нетривиальной Личности, хотя он заметно отличался от отца, будучи человеком несколько иного плана и характера, происходило такое радикальное явление, как начало *изменений социально-экономического уклада*. Это оказалось первым шагом к появлению действительно *классового* общества на Руси, и тут мы касаемся самой трудной «проблемы» древнерусской истории, точнее – советской ее версии, поэтому стоит остановиться на ней подробнее.

Замечание 8. Как известно из общей теории (см. часть I), каждая локальная цивилизация имеет свое «историческое время», и впервые это заметил еще Н. Данилевский, полагающий, что в каждой из них следует выделять «*свои периоды древней, средней и новой истории*» [4]. Поэтому естественно встает вопрос: какое же общественное устройство соответствовало периоду нашей древней истории? Ведь известно, что у большинства «великих племен» (Н. Данилевский) в этот период господствующим было *рабовладельческое* устройство. Но у нас в советское время стали определять его как *феодалное* – с самого начала, причем некоторые историки (в том числе и академики) возводили его появление еще к II–IV векам! Но выше-то мы убедились, что этого не могло быть просто потому, что в период предыстории у славян (как и у всех) господствует родоплеменной уклад.

Ответы на эти вопросы я нашел у профессора Фроянова, описавшего исторические дискуссии 20–30-х годов XX века, в результате которых и появилась «феодалная парадигма», ставшая вскоре базисным постулатом для советских историков, а ее автор Б. Д. Греков – академиком. А возникла она из вроде бы благого стремления показать, что мы, мол, не хуже Европы,

в которой действительно после периода варварства (у германских племен в частности), после некоторых «перипетий» и появился феодальный уклад. Но мы-то выше рассмотрели эти «перипетии» и убедились, что он появился не сам по себе, а в результате взаимодействий германского Суперэтноса с рабовладельческой римской цивилизацией, после чего в Европе и появилась *новая западная цивилизация уже 2-го уровня*.

Однако у «варварской» Руси подобных взаимодействий с более развитыми (в социально-экономическом смысле) цивилизациями не было, а были лишь взаимодействия с «варварскими» же племенами русов, а затем варягов, результатом которых и стало появление *рабовладельческого* уклада, сперва сосуществовавшего с родоплеменным, но никак не феодального. А позже я узнал, что уже такие крупные историки дореволюционного времени, как В. Ключевский и А. Ефименко, да и другие, аргументированно показывали наличие рабовладения как одного из основных элементов социально-экономического устройства Древней Руси. А вот появление феодализма они относили лишь к XVI–XVI векам; впрочем, и большинство зарубежных историков отвергают упомянутую «парадигму» до сих пор... Позицию же Ключевского подтвердил конкретными результатами и наш современник И. Фроянов – он показал отсутствие феодального уклада на Руси практически до XII века. Но самое смешное для меня оказалось в том, что это следует уже из теоретического анализа К. Маркса (в [23]) – а ведь упомянутые академики как раз и позиционировали себя «правоверными марксистами»!

С другой же стороны, отдельно от всяких теоретических дискуссий, археологами еще с XIX века исследовались остатки циклопических сооружений, известных как *Змиевы Валы* (далее – просто Валы), о коих речь шла еще в древних преданиях и былинах. Они пытались как можно полнее описать их, найти их количественные и качественные характеристики, но главное – установить время их сооружения. Дело в том, что тут вплоть до конца 80-х гг. прошлого века наличествовал полный разнобой – одни (к примеру, академик Рыбаков) возводили время строительства Валов к доисторическому периоду и приписывали это дело скифам, другие приписывали его чуть ли не «трипольцам», третьи – веземным пришельцам и т.д.! Может, поэтому еще в 1960-х гг. возник широкий общественный интерес к этой проблеме, даже многие дилетанты начали раскапывать и исследовать Валы различными методами.

Но проблему сию разрешил профессиональный киевский археолог М.П. Кучера, опубликовавший в 1987 г. монографию [24], где доказал: строительство валов начал князь Владимир Святитель в конце X века, а затем оно было продолжено сыном Ярославом (Мудрым) и др. При этом Кучера не только датировал Валы, он подробно изучил их размещение, размеры и т.п., но главное было в том, что он попытался *оценить трудовые затраты* (в человеко-днях), потребные для строительства Валов. А структуру их ныне может увидеть каждый, посмотрев на реконструкцию Золотых во-

рот в Киеве, к которым примыкают оборонительные стены того же типа, что и Валы.

Однако эти воистину фундаментальные результаты не получили в то время должной оценки – во времена «перестройки» все занялись историей XX века, а не X-го! Я ознакомился с книгой М.П. Кучеры [24] только в конце 2011 года, а поскольку детство мое прошло вблизи тех мест (на Житомирщине), куда доходили Валы, то представлял, где и как, в какой обстановке проходило строительство. И потому вскоре понял, что Кучера сильно «поскромничал» в плане трудовых затрат, наверное, сам не веря своим подсчетам... На самом деле строительство, при использовании орудий труда, наличных в то время, учитывая и другие обстоятельства, требовало *вдвое больше трудовых затрат*, чем оценивал их Кучера, но в любом случае его результаты имели революционное значение!

А дальше для меня стало ясно, что нужно сравнить их с данными о народонаселении Киевской Руси в конце X века, а таковые публиковались не раз, начиная с 1867 года, затем и позже, но последние приведены в журнале «Знание-сила» пару лет назад (хотя и после появления [10]), где одним из авторов был историк И. Данилевский. И везде численность (свободного) населения Руси к тому времени оценивается примерно в *миллион* человек, тогда как строительство Валов требовало привлечения *многих десятков* (а то и *сотен*) *тысяч рабочих* – ввиду срочности задачи: защиты Руси от кочевников – печенегов! И тут я осознал: если бы в этом деле участвовали свободные люди – мужчины цветущего возраста, то всякое производство на Руси, всякая жизнь практически бы замерли!

Поэтому рабсилу надо искать в ином месте, и она была, ибо еще в результате походов Святослава, а затем и самого Владимира на Руси имелось множество пленников-челяди (то есть рабов) – вот они и были брошены на строительство. Причем к ним сперва применялось обращение как к патриархальным рабам – см. об этом выше, но затем оно поменялось – и подробно эти процессы описаны в [10], где показано, что именно из них и появился на Руси *азиатский способ производства*, как первый из укладов рабовладельческого типа, детально описанный еще Марксом в [23]. Так что и тут выявили мы это явление опять же с помощью естественнонаучных аргументов!

С другой стороны, вышеприведенные соображения и аргументы, собранные вместе, дают решение и проблемы *появления государственности* на Руси – см. [10]. Далее там излагается достаточно подробно дальнейшая история – с упором на проблему *эволюции государственности* на Руси, показаны этапы ее и связь с эволюцией способов производства и типов собственности. Но здесь отметим кратко лишь некоторые моменты.

Замечание 9. Приведенные выше рассуждения и привели меня к пониманию того обстоятельства, что термины *Киевская Русь*, *Древняя Русь* и *Древнерусское государство*, обычно употребляемые (в учебниках, к примеру) как синонимичные, на самом деле следует различать, поскольку ассоциируются они с достаточно выделенными периодами истории.

Самый длительный отрезок времени занимает период *Древней Руси*, а именно – от «Русьского каганата» до последней четверти XV века, тогда как *Киевская Русь* появилась с приходом Олега в Киев и последующим за этим объединением основных восточнославянских земель. Но к началу XIII века, как мы знаем, Киев уже утратил общерусское значение (как и сакральное!), оставшись столицей лишь одной из земель, причем не самой главной (см. [9; 13]). О *Древнерусском же государстве* можно говорить только от времени правления Владимира I Святославича и где-то до начала последней трети XII века, когда общерусское государство было уже, по сути, «приватизировано» отдельными княжескими кланами, хотя еще на протяжении некоторого времени можно говорить о некоей «конфедерации» земель (или княжеств).

Но даже в периоде *Древнерусского государства* можно выделить некоторые этапы: а) *этап подъема* (или *расцвета*) – от Владимира I до Ярослава I и б) *этап «междоусобия»* – от смерти Ярослава в 1054 г. и до восшествия Владимира II Мономаха на Киевский стол в 1113 году. Но и на этом последнем этапе государство существовало лишь в виде некоей *федерации* – и во время «первого триумvirата», и двух последующих «дуумvirатов», хотя во времена последних оно подвергалось сильной «раскачке» действиями нескольких князей-«изгоев». Однако надо отдавать себе отчет в том, что «изгой»-то опирались на социальные силы, выросшие (и даже окрепшие – в некоторых землях), которые были заинтересованы в децентрализации государства.

И тут значительную роль сыграла деятельность Владимира II Мономаха еще со времен «дуумvirата» его с отцом Всеволодом Ярославичем и продолжившаяся – правда, лишь в одном направлении (половецком) – во времена его «дуумvirата» со Святополком II Изяславичем. Но уже с момента его восхождения на Киевский стол в 1113 году можно говорить о *второй фазе «расцвета»* Древнерусского государства, при нем еще достаточно централизованного, как и при его сыне Мстиславе. Оно тогда могло эффективно противостоять как внешним угрозам – прежде всего половецкой, так и внутренним тоже.

Но в последующее время централизация все слабела и вообще уходила в прошлое, так что со второй половины XII века на Руси начинается «*смутное время*», как мы его определили в [10; 13]. И децентрализация началась, по сути, из «*приватизации*» государства, да и шла так быстро, что к концу XII века таковое превратилось уже в «конфедерацию» земель, которые сами тоже оказались, как правило, лишь *федерациями волостей*.

Глубинной же причиной, приведшей к разворачиванию этих процессов, стала замена уклада – от «азиатского» к «античному способу производства», как укладу того же рабовладельческого типа (который тоже исследовал К. Маркс в [23]; а более краткое изложение результатов см. в Приложении I.1 в [10]). А политическим проявлением сего на Руси стало появление там «городов-государств» – феномена, который исследовал профессор Фроянов в книге [25] (в соавторстве с А. Дворниченко). Хотя мы полагаем,

что явление это все же на Руси было не столь массовым, как в Древней Греции, да и вообще имело свою специфику, и потому считаем, что тут следует говорить о «землях», тем более что далеко не все из них сразу или последовательно переходили к новому укладу. Да и вообще хочу напомнить высказывание другого выдающегося ленинградского историка В.В. Мавродина: *«Никогда нельзя сказать в исторической науке, что такой-то процесс начинается с такого-то момента. Все движется, незаметно порой для глаза, перетекает одно в другое».*

Тем более что с появлением частной собственности на землю на Руси стали проявляться и элементы следующего, «германского» способа производства – как предтечи укладов феодального типа, опять же по Марксу [23].

А все это объясняет, почему в начале следующего XIII века восточнославянское государство практически исчезло, хотя историки до сих пор пытаются придумывать разные наименования и интерпретации получившегося в результате образования, все еще как государства. Кстати, сюда попадает и авторское определение его как конфедерации – если продолжить его на XIII век – и приходится признать, что говорить о государстве даже в такой форме не приходится! Какая же это конфедерация, если входящие в нее земли (или княжества) непрерывно воюют друг с другом (кстати, весьма выразительное описание этой ситуации дал еще Н.В. Гоголь – оно приведено полностью в [10; 13])? Попробуйте представить себе Швейцарскую конфедерацию в состоянии, где кантоны воюют друг с другом!

Замечание 10. Историк тут в отчаянии восклицает: *«Но ведь что-то общее оставалось у восточных славян?!».* Нам же выход представляется следующим: отставить в сторону словесную эквилибристику да разные ухищрения, а говорить только о *сохранении цивилизации* как основы, проявляющейся в сохранении общего языка, религиозно-культурной общности, торговых обменов и т. п. вещах. Но не следует говорить о политическом единстве – его практически не осталось, что и явилось главной причиной успеха, последовавшего вскоре «Батыева погрома» Руси!

Отметим, однако, что все происходившее тогда было, по сути, объективным процессом, остановить который не смог бы и Владимир Мономах, базисными причинами которого явились изменения способа производства и связанных с этим форм собственности – не зря ведь «приватизация» государства тогда сопровождалась «прихватазацией» недвижимой собственности, в первую очередь – земли! И повторимся: проявлялось это в замене укладов – от рабовладельческих, исчерпавших себя к тому времени (несмотря на расширение масштабов рабства – см. у Фроянова [22]), к появлению элементов феодальных укладов, хотя полностью такой переход произошел лишь значительно позже – к XVI веку, и об этом разговор отдельный. Но вот «осколки» Древней Руси, как социально-экономического феномена, сохранялись в отдельных землях (например Новгород) почти до указанного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987.
2. *Расева Е., Сикорский Р.* Математика метаматематики. – М.: Наука, 1972.
3. *Кравчук Н.В.* История Отечества глазами малоросса. – Очерк 1. – М.: АИРО-XXI, 2009.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. – Ростов: Феникс, 1991.
6. *Weber A.* Kulturgeschichte als kultursociology. – Leiden, 1935.
7. *Тойнби Дж.* Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.
8. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис Пресс, 2001.
9. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2004.
10. *Кравчук Н.В.* Рождение, подъем и упадок «цивилизации росссов». – Киев, 2012.
11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.
12. *Моисеев Н.Н.* Универсальный эволюционизм; Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. – 1995. – № 1; 2.
13. *Пирогов Г.Г.* Данилевский в зеркале Бжезинского // Коммунист. – 2000. – № 5.
14. *Кравчук Н.В.* Структурные проблемы общей квантовой теории (на укр.). – 2-е изд. – Киев, 2009.
15. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. – М.: Сов. Радио, 1970.
16. *Кравчук Н.В.* Квантовая механика и логика. – Киев: Изд. ИТФ-70Р, 1982. – 34 с.
17. *Кравчук Н.В.* Методологические замечания о возможности применения квантовой теории к моделированию некоторых аспектов психики. – Киев: Изд. ИТФ-69Р, 1983. – 14 с.
18. *Седов В.В.* Древнерусская народность. – М.: Изд. Языки русской культуры, 1999.
19. *Всемирная история.* – Т. III. – М.: Госполитиздат, 1957.
20. *Сахаров А.Н.* Россия: народ, правители, цивилизация. – М.: ИРИ, 2004.
21. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1982.
22. *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2001.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. I.
24. *Кучера М.П.* Змиевы Валы Среднего Поднепровья. – Киев: Наукова Думка, 1987.
25. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси – Л.: Изд. ЛГУ, 1987.
26. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. – Т. I: Наука логики. – М.: Мысль, 1974.

METAHISTORY AS A METHOD OF HISTORICAL STUDY

N.V. Kravchuk

Part I sets forth the main points of a new metahistorical approach based on the concept of (local) civilization, which, in addition, is provided with a set of n -supersystems of various n -levels (such a set is referred to as “O-civilization”). This construction makes it possible to incorporate main achievements of such well-known metahistorical approaches as formational, civilizational and ethnological as specific instances. Each “O-civilization” has its own history and its own “his-

torical time” and, thus, its own periods of ancient, middle and modern history, which Nikolai Danilevsky predicted in his day. And world history is not simply described by a “sum total” of these histories but it essentially calls for taking account of interactions (confrontations) between them.

Part II shows the applicability of this method to the analysis of the ancient history of Russia, seen as a “civilization of the Russes,” which has made it possible to take a new look at well-known historical problems. In addition, a new periodization of ancient history is offered in conformity with the changes in the social and economic modes of living and related types of ownership and forms of political order.

Key words: metahistory, historical process, cultural-historical type, civilization, *n*-CESES-system (or *n*-level *n*-supersystem), prehistory, long 6th century, Slavic cultural-historical type, Asiatic (similar to antique) mode of production.